

Александр Зорич

Корабль стрекоз

Александр Зорич
Корабль стрекоз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133864

Содержание

– 1 —	4
– 2 —	14
– 3 —	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Зорич

Корабль стрекоз

— 1 —

Мы оба мечтали победить, как девушки мечтают о мужчинах.

Только, в отличие от девушек, мы мечтали действительно – так воры мечтают о деньгах.

Пусть хотя бы выйти в третий тур, – так думали мы оба, когда подали заявки на участие. Нас мутило от нашего честолюбия.

Оказалось, что мы действительно фехтовальщики, первый тур был для нас как семечки. Вышло также, что мы хорошие фехтовальщики – я об этом как-то раньше просто не задумывался, Олли по-моему тоже.

От этой новости мы пришли в страшное возбуждение. Мы были одержимы самыми разнообразными беседами.

Наши рты не закрывались.

Наши глаза – тоже. Вечером первого дня мы просто не могли заснуть. А поутру нас прорвало – принесли испытательные задания и для говорильни появилась наконец тема...

– А если мы вот тут и построим качели? Вот здесь устано-

вим ту балку, что лежит на берегу, из канатов сделаем поручни, а сидение – да из чего угодно, – сразу предложил Олли.

– Из чего, например? А вообще, можно кресло приспособить – не растерялся я.

– Можно. Только где его взять. Что-то я кресел поблизости не вижу.

– Тогда, может, лучше лодку подвесить? – предложил я. – Не забывай, в задании написано, что качели должны быть «крепкими»! Даже если бы у нас было кресло, оно трех человек не выдержит! Сам подумай!

– Можно и лодку. В лодке есть скамейки. Удобно. Значит попросим у рыбаков.

– А дадут?

– А чего спрашивать – давай купим. Не люблю одолжений, – задрал нос Олли. – И прямо вечером начнем. После тренировки.

– А долго эти качели делать? – допытывался я. Я никогда в жизни не катался на качелях. И уж тем более, никаких качелей не мастерил. Я вырос в провинции. Уезд Медовый Берег, город Вая. Неофициальное самоназвание – Жопа Жопская.

– Успеем. А чего?

– Ну в принципе ты прав, времени до хера.

– Ну ты даешь... Как-то это...

– В смысле?

– Да ты ругаться вообще закончишь когда-нибудь?

Это я-то – «закончу»? Если «до хера» это ругательство,

тогда поцелуйте меня в залу... задни... зардевшиеся от стыда щеки. Как можно «закончить», когда я еще не «начинал»? Но ладно, ради Олли я был готов и не начинать.

Милостивые гиазеры, что это был за тип!

Весь какой-то обесцвеченный, в смысле природой, а не в цирюльне, долговязый, напряженный – будто скрученный из воловьих жил.

Его тазобедренные суставы, когда он танцевал передо мной кровожадные танцы своей южно-пиннаринской школы боя с хищными выпадами и ленивыми отходами, казались железными, несмазанными, даром что не скрипели в такт пошверкиванию его ультра-шикарного меча. Движения его туловища были показательно эротичны, как у циркачек, изображающих змей или лебедей. Можно было подумать, что в поединке с воображаемой тенью он думает не о победе, а удовлетворении своих немудреных страстей. Не удивительно, что в этой школе всегда так много мастеров-женщин. Не удивительно, что с Олли произошло все то, о чем я собираюсь рассказать. Ну да это ладно.

Руки его двигались бросками, как бы отдельно, вроде конечностей марионетки. Даже между ресниц у Олли отсиживалось какое-то законсервированное напряжение заряженной метательной машины. А ведь фехтовальщику опасно быть напряженным, он должен быть текучим и сонливым (меня лично так учили)! Ну да это его проблемы, Олли. Когда он окончил, я крикнул «Круто!». Больше ничего не ска-

зал.

Да, звали его Олли, ясно, что сокращенно от Нолак.

Этот Олли был пай-мальчиком: не переносил ругани и не имел вредных привычек, кроме одной – он с обожанием гляделся в небольшое карманное зеркальце и делал это до неприличия часто. И был он якобы аристократ («якобы» – это я так думал поначалу, мне показалось, что для аристократа у него чересчур много денег. Он привез с собой тяжелый мешок копченого мяса, посыпанного тмином и молотой гвоздикой, без него, оказывается, он не мог жить! И еще два ящика всякой вкуснятины.). По его уверениям, он пошел на эти соревнования оттого, что «любил фехтование больше всего на свете» (это его выражение – не мое).

В принципе, я не жалел, да и до сих пор не жалею, что в пару мне достался именно Олли. Жалеть – это вообще идиотизм.

Чтобы получить право на участие в третьем туре соревнований мы – я и Олли, то есть, на казенном языке циркуляров «пара соискателей» – должны были пройти несколько испытаний второго тура. Как и все другие пары.

Когда госпожа наблюдатель принесла нам наше задание, оказалось, что испытаний ровно два. «А третье – секретное», – шепотом добавила она.

В том году таких, как мы, на соревнованиях было девяносто пар. Наверняка сочетания получались такие же взрывоопасные, как я и Олли.

Предполагалось, что задания у всех разные. Могу себе представить, – подумал тогда я – какая это засада с точки зрения судейского совета! Попробуй еще придумай сто восемьдесят достойных занятий, когда их у фехтовальщика вообще-то ровно три – спать, тренироваться и соблюдать диету. А тут сто восемьдесят! Понятно, что не только наши испытательные задания родились недоношенными, – успокаивал себя я.

В десятый раз я перечитал свиток, извлеченный из инкрустированного стилизованными сапфирами футляра.

1) Построить качели. Качели должны быть крепкими, т.е. выдерживать тяжесть обоих соревнующихся и наблюдателя.

2) Поджарить и съесть человеческое мясо. Весом не менее варанского фунта. Еще один фунт представить на рассмотрение специальной комиссии.

Каково? Вот и я сказал то же самое, когда это прочел.

Олли тут же сделал мне дежурное замечание; мол, надо следить за речью. Да я слежу, слежу, слежу-у-у! Все время говорить непривычно, то есть, в моем случае чисто, все равно что питаться исключительно блюдами заморской кухни, всякими там маринованными змеями с папоротниковым гарниром. Я чуял – мне угрожает несварение мозгов.

Мне не хотелось драконить Олли. Но ветви моей собственной души уже тяжелели первой завязью раздражения – и задание, и сама Нин исс Ланай, все это меня злило.

Помимо этого запрещались: поединки на «живом» ору-

зии (хотя наши мечи оставались при нас) и занятия любовью.

Нин исс Ланай принесла нам футляр и тут же исчезла – мы даже не заметили когда. Как выяснилось впоследствии, с пространством у нее отношения были своеобразные, запанибратские, как у крылатого насекомого. Летай куда хочешь, пока не ударят морозы.

К полудню, правда, Нин материализовалась невдалеке от кедровника, маскирующего забор нашего «квадрата», т.е. тренировочной зоны, за пределы которой также категорически запрещалось выходить.

Теперь мне кажется, что я с самого начала ее возненавидел. Хотя, конечно, не с самого – это если говорить по правде.

Это была подтянутая барышня лет около двадцати пяти с атлетической поступью салонной воительницы на хорошем жаловании.

Чувствовалось (а точнее, мне всего лишь так казалось!), что в ее жизни уже сбылось то, о чем я только грезил. То, ради чего, собственно, я вклеил свой непородистый анфас в альбом этих соревнований – служба в хорошем доме, покладистые, в меру вяленькие ученики (сыновья хозяйки от первого и второго браков), тренировочные пробежки с питомцами по засеянному фонтанами саду, соседская челядь кланяется на улицах... Молочницы называют «наш дорогой учитель»... В продуктовых лавках дают в бессрочный кре-

дит кедровые орешки и перченую курагу, полезную для здоровья...

– Имею честь представиться, я – Нолак окс Вергрин! – заблестел своими сахарными зубами Олли, наше знакомство с Нин только начиналось.

– Я – Игрэ, – промямлил я с несветским запозданием. Я все еще переживал шок от второго имени Олли – «окс Вергрин». Мне так он представился просто Нолак, типа сыграл в ровню! Вергрины – третий по могуществу род в моем славном княжестве. Вчетвером с семействами Тамаев, Ингуров и Миданов, Вергрины трахали Варан и спереди и сзади. Словом, Олли был неприлично родовит, если, конечно, не соврал.

– Нин, – лаконично отрекомендовалась наблюдатель. – А что означает ваше чудесное имя? Игрэ! Что-то же оно должно значить? – это уже ко мне.

– Почему мне знать? – соврал я.

Имя было и впрямь оригинальным. Когда я родился, а родился я на дальнем огороде, среди недомерочных тыкв, сухостойных стен укропа и закорюк фасоли, на мой красный новорожденный нос села гигантская желтая стрекоза. Моя мать увидела в этом значительное событие и тут же дала обет назвать меня Игрэ, что на языке Аюта, ее родном языке, значило что-то вроде Геройский Стрекозел. Она не нарушила обета. Но меня как-то никогда не тянуло распространяться об происхождении моего имени, тем более, мне не нравилось

само слово «стрекозел».

– Жаль, что имя ничего не значит, – отозвалась Нин.

Мы степенно обнялись – как того требовал официоз, не больше.

Тело у Нин было теплым. Трико на ней было черным. Блуза – тоже. Из-под блузы умерено выдавалась грудь.

В двадцать лет (а именно столько мне и было) это невозможно «просто не заметить».

Это как не заметить есть ли что-нибудь в бутылки с гортело, торчащей среди тарелок с объедками под занавес сабантуя. Помимо воли, просто механически, ты всегда отмечаешь: «есть». Или «хрена с два».

Я с тоской подумал о запрете, наложенном на традиционный физический контакт. Всем известно, что от рукоблудия портится зрение.

И бросил косой взгляд на Олли – голову даю на отсечение, он думал о том же самом! Только в отличие от меня этот младовельможный осел был непривычен к слову «нельзя», как дикая кошка – к колбаске.

Между прочим, интересно, какая скотина ввела здесь такие запреты? – кипятился я, чтобы как-то отвлечься от выступающих частей Нин исс Ланай. Это ведь дело личное – спать с наблюдателем или не спать! При чем здесь дисквалификация? Но в том-то и дело: они хотели сказать, что ничего личного в фехтовании не должно быть. Или, скорее, что фехтование – это и есть «личное» и никакого другого лич-

ного у фехтовальщика быть не может!

И все равно я был уверен – нам с Олли повезло – я слышал, что обычно в наблюдатели назначают заслуженных дедуганов, со спинами, как у зебр, только вместо полосок – шрамы. Или проворовавшихся офицеров Особого морского отряда «Голубой Лосось» с застарелой трисичухой, и полным черепом проектов как поднять фехтование в княжестве на высоту детской мечты.

Это они – трипперные «лососи» и дедуганы – запретили любовь во втором туре! Чтобы не осрамиться, если какая-то смазливая фехтовальщица придет в восхищение от твоего смертельного оружия.

– Как продвигаются качели? Что-нибудь уже начали? – поинтересовалась Нин.

– Качели – нормально, – заверил я. – Вы лучше скажите, госпожа наблюдатель, что мы будем делать с человечинной.

– Как это – что делать? – педагогически вытаращилась она.

– Имеется в виду, где ее брать.

– Да берите где хотите!

– Выходит, нам кого-то придется убить?

– Не исключено!

Мы с Олли переглянулись. Ни фиги себе соревнования, да еще и под патронажем Сиятельного Князя!

А как же пресловутый гуманизм и вся его красивенькая трепософия?

А как же «клятва человека меча» про «не вменять клинок свой во ублажение дури своей или иной чьей»?

– Хотя в принципе, – начала юлить Нин, не исключая, она тоже эту клятву вспомнила, – убивать не обязательно. Мне известны случаи, когда соискателям удавалось обойтись без насилия.

Лгунья! Лицемерная тварь! Исчадие столичной школы для девушек с нестандартным характером!

– А еще есть трупы, – предложил я для подначки. – Можно взять свежий труп, отрезать от него шмат, например, с ягодиц, с плеча, главное, чтобы не с живота – можно отравиться или заболеть холерой... Потом это мясо зажарить. И для комиссии фунт оставим... Ну этим можно с живота...

– Ты с ума сошел, да? – глаза Олли прямо-таки лаяли.

– Не ссорьтесь, мальчики, – примирительно сказала Нин. – До второго задания надо еще дожить.

Прошло несколько дней и я понял, что «надо еще дожить» следует понимать буквально. Я вообще понял, что такое «буквально» во время этого второго тура.

Мы помогали Нин исс Ланай устроиться – трусили ее престарелый матрас на прибрежных камнях, чинили камышовую крышу нашего домика – в сердце нашей шикарной общей и единственной комнаты лазурной заплатой глядели небеса (не починили – не прошло и дня как заплата просела и снова засияла дырка). Обметали веником паутину.

Я еще и сапоги ей почистил.

Из сапожных отворов пахло солеными рыжиками, болотом. Мне этот запах понравился, но показался каким-то странным для человеческой ноги. Но тогда я не придавал этому значения.

Потом мы с Олли искупались в блестящем море, честно говоря, не столько для удовольствия, сколько для гигиены. Море напоминало жидкий лед.

Мы вытирались молча – ветер дул на нас, Олли дулся на меня, я не понимал за что (скоро выяснилось, что ему показалось, будто я был с Нин невежлив).

Я пристально наблюдал за Олли – за тем, как он двигается, за тем, как сложен, как одна группа мышц сообщается с другой через движения.

Его сложение верхней любых дворянских браслетов подтвердило мне его аристократизм – подобранные, упругие, но не очень-то развитые большие ягодичные мышцы, более чем

умеренные средние ягодичные, прекрасные, литые воистину широчайшие, широчайшие мышцы спины. Довольно холерные трапециевидная и полостная, при средней упитанности большой ромбовидной и дельтовидной...

Если перевести с пройдошистого жаргона анатомов на язык любителей социальных обобщений, сложение Олли красноречиво свидетельствовало: ничем, кроме фехтования, парень отродясь не занимался.

Не пахал, не косил, не давил виноград, не носил коробов с удобрениями, не катал тележку с выблядками благородных семейств вместо лошадки, не собирал яблочки с незолотых яблонек по найму два медных авра за восемь дней, иначе где его малая круглая мышца, отчего хиловат поясничный треугольник? То-то же!

Вот мое, тоже в целом атлетическое тело, было совсем не таким.

В мясных угодьях царил романтический бардак – трехглавая и дельтовидная, плоды явно что не размышлений – контурируются, наверное, и под овечьим тулупом. Камбаловидная и четырехглавая бедра – как у коня, зато икроножные – слабоваты не то что для фехтовальщика, но и для портного, в общем не такая уж эстетичная чересполосица совершенств и недоделок. Это логично – два последних года в перерывах между тренировками я нырял за съедобными моллюсками (три авра большая корзина, пять авров – две). Прошлую зиму Пиннарин знал меня как вышибалу в доме терпимости.

Тренировался что называется «при случае».

Олли наклонил голову и стал ерошить рубашкой волосы – сушился. Чудо как хороша была у парня шея. Ременная и жевательная мышцы головы как будто...

– Слушай, ну чего ты уставился? – противный окрик Олли вывел меня из эстетического транса. – Мужика голого, что ли, не видел никогда?

– Я работал вышибалой в доме терпимости.

– В нормальном?

– Что в «нормальном»? – не понял я.

– Доме терпимости? Или для извращенцев?

– Совершенно обычный был, нормальный, – заверил его я.

У него вроде как отлегло от сердца. Он снова повернулся в сторону моря и принялся расчесываться, внимательно, с нежностью глядя в свое зеркальце. Умильная картина.

Я втихаря хохотнул в кулак, когда сообразил, что Олли скорее всего не имел счастья бывать в упомянутых оранжереях, где вместо нарциссов и гладиолусов проклевываются дурные болезни и долги.

Я в жизни не слышал, чтобы для «извращенцев» строили какие-то особые, отдельные бордели – это мог придумать только такой знаток фактуры, как Олли.

Всем, ну просто всем известно – если ходишь по борделям, то рано или поздно оказываешься «извращенцем» того или иного сорта. В борделе как бы выясняется, что та правда, которую ты только подозреваешь о себе, бормоча и краснея,

не такая уж и неприемлемая. В том смысле, что ее можно принять – всегда найдется кто-то, кто ее примет.

– Что тут смешного?

– Представил, как мы будем качаться втроем на качелях – ты, я, Нин, – соврал я.

– А-а, это хорошо, – Олли завязал штаны, живехонько накинул рубаху, куртку, любовнодохнул в лицо зеркальцу, протер его рукавом и спрятал в карман. Как вдруг он снова весь как-то внутренне напрягся – наверное, опять подумал что-то нехорошее про мою «нормальность». – Послушай, как тебе наша Нин?

– Ничего, симпатичная, – отозвался я. «Как женщина» она мне не очень нравилась, а так – и вообще, но я сообразил, что Олли меня «проверяет» на нормальность. А еще больше, чем Нин, мне не нравилось наше второе задание. Рядом с дебильными «качелями» оно выглядело явным перебором. Так я Олли и сказал.

– Да ладно там... Убьем какого-нибудь одинокого рыбака, – пожал плечами он.

– Что, вот так, как людоеды, возьмем и убьем какого-то мужика, отца шестнадцати детей, чтобы его слопать?

– Ну можно найти бездетного...

– О Шилол! И что, мы вот этого бездетного сожрем, как людоеды? – не знаю чего я все напирал на этих «людоедов».

– Ну... это же задание такое. На твердость духа... На бескомпромиссность... На способность выполнять то, что велел

тебе Князь и его присные, ведь фехтовальщик – это слуга Его Сиятельства, – зачирикал Олли, сволочь образованная.

– И что, тебя устраивает такое задание?

– А ты предлагаешь все бросить и уехать домой? Типа к Шилолу этот третий тур? Так ты предлагаешь? – у Олли даже щеки порозовели – от возмущения.

– Главное, ты попробуй еще найди такого рыбака, которого можно спокойно убить. Они здесь живут семьями, по несколько даже семей в одном доме. Ты здесь, на Циноре, в первый раз?

Олли кивнул. Он вообще производил впечатление человека, который везде в первый раз.

– А я бывал. Ты только кого-нибудь случайно плечом зацепишь, завтра к тебе явится вся деревня с колунами да топорами. И плевать им на эти соревнования – запомни! На князя им квадратным дерьмом срать! И на фехтование! У них всего фехтования – ночью мясницким ножом поперек шеи – джжжик! Это же Цинор, Олли! Здесь только с виду все так устроено, так законопослушно! Свиньям тебя скормят по кусочкам – и пиздец!

– Я же тебя просил не выражаться! – отчаянно взвыл Олли и хлопнул себя по бедрам ладонями.

Видали, какой неженка! На самом деле, ему просто не понравилось то, что он себе представил – как годовалый, с черным пушком вдоль хребтины, кабанчик хрумтит его плечевой костью, посасывая сладенькое из суставной капсулы.

– Ладно, извини.

– Ничего.

– Но главное, что нам из этого квадрата – из этого, если хочешь, вольера – нельзя выходить. Иначе можно сразу считать, что мимо третьего тура мы пролетели. Ты что, правила не читал?

– Тогда лучше займемся качелями, – выдоил мне в ответ Олли. – Сказала же Нин тебе: надо еще дожить до этого мяса!

Поначалу работа спорилась – мы самозабвенно рылись на берегу.

Результатом стала полная эксгумация просоленной, побуревшей от йодистых водорослей, заросшей ракушками корабельной мачты.

Сей сувенир безвестного кораблекрушения Олли почему-то продолжал называть «балкой». Мы решили, что на ней и будут висеть наши качели.

Канаты Олли удалось выменять на свое вяленое мясо у рыбаков – благо он накопил этого мяса перед соревнованиями столько, что хватило бы на непрожорливый отряд.

Хорош бы я был, – размышлял тогда я, – попадись мне в напарники жутко подающий надежды сынок какого-нибудь винокура или булочника. У меня денег ни хрена, у него денег ни хрена... Понятно, что никакого мяса в тмине, никаких канатов – одна надежда, что тогда, может, и задания были бы не такими обязывающими, не такими невозможными.

Олли очень по-благородному не стал требовать моей доли за канаты. Я тоже не лез с «отработаю» – Шилола с два я ему отработаю. Во мне всегда дремал стихийный бунтарь. Никакого уважения к чужим капиталам...

А вот лодку ни выменять, ни купить не удалось. Рыбаки из «нашей» деревни наотрез отказались – мяса у нас больше

не было, а деньги им наши были не нужны.

В тот день они праздновали местное «здравствуй, лето».

Прибой методично расплетал веночки из незлой еще крапивы, и притом огромные, как будто на китовую башку, дымили костры на берегу, грозные многоголосия разносились между скал. Вся деревня оказалась разукрашена щитками, на которых местным богомазом были изображены сцены из жизни зверей, птиц и насекомых. Тут тебе «целуются» два зубастых медведища, там страховидная стрекоза пожирает крупную муху, а вот малиновка выкармливает кукушонка. Возле каждого щитка – плошка с угощением. И вот среди всего этого являемся мы требовать лодку.

«Деньги? А что мы с ними будем делать? « – читается в каждом взгляде.

А вот с лодкой они знали, что делать, исчадия этнографические.

– Там за мысом есть еще одна деревня, – начал Олли, когда мы шли назад, как-то подозрительно душевно заглядывая мне в глаза.

– И что?

– Там тоже используют лодки.

– Но только не используют деньги, – я поспешил высказаться на случай если он думает, что мне следует туда сходить и поторговаться под угрозой быть застигнутым Группой Содействия Соревнованиям на чужой территории. – Но, главное, если меня поймают...

– Тебя не поймают, – заверил меня Олли, он весь аж светился, как только что просватанная барышня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.